

An anime-style illustration featuring two female characters in a winter setting. In the foreground, a girl with short blonde hair and a dark blue school uniform with a red bow stands looking forward. Behind her, a taller girl with long dark hair and glowing white eyes looms. The background shows a snow-covered bridge over a body of water at night, with streetlights and snow-covered trees.

ЛЕД АСАХИКАВЫ

Palada55

18+

Палада 55

Лёд Асахикавы

<https://litres.ru/74545313>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Перед кончиной девы-небожители проходят через пять увяданий...»

В ледяном апреле на севере Хоккайдо туман скрывает слишком многое. Катерина — русская девочка-полукровка с израненной душой и руками, всё ещё пахнущими чужой кровью. Шаг с моста через реку Исикари должен был стать для неё финалом — единственным способом сбежать от страшного греха, который совершило её тело, подчинившись чужой слепой воле.

Но смерть отказалась принять её.

Содержание

Глава 1 "Дитя тумана"	4
Глава 2 "Манифест Кирико"	18
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Палада 55

Лёд Асахикавы

Глава 1 "Дитя тумана"

ПРОЛОГ

Всё вокруг покрывала тьма. Но дорога была мне знакома: ровно пятьсот шагов по аллее, затем поворот к мосту. Пятьсот. Я считала.

Ветер скользил по обледеневшим веткам сирени, выстуживая воздух до хруста. В апреле на Хоккайдо всегда так: холод будто не хочет уступать весне, и набухшие почки кажутся издёвкой. Мне не было дела до могильного лунного света — он оставался столь же равнодушным, как и я. Блеклые лучи выхватывали из темноты ломкие очертания ветвей, словно нарочно напоминая, с какой лёгкостью они сокрушаются. Где-то рядом глухо и ровно дышала Исикари. Река, которая не спросит, зачем я здесь. Её течение у Асахикавы всегда тяжёлое, будто тянет ко дну бесконечной усталостью.

— Почему ты молчишь, когда мне так нужны ответы? — процедила я в темноту.

Прошлогодние серые листья, подёрнутые ледяной коркой, хрустели под подошвами школьных туфель. В лунном свете они блестели, как чешуя мёртвой змеи. Мне казалось, будто

кто-то рассыпал по тропинке стопку старых писем без адресата и ждал, что я остановлюсь и прочту хоть строчку. Я шла, не глядя вниз. Если посмотрю, то снова начну искать в них слова. А если найду — значит, я правда схожу с ума.

Тьма будто дышала мне в спину. Клёны скрипели под ветром, словно весь парк ворчал за нарушение какого-то молчаливого договора. Во мне нарастало странное чувство — будто кто-то осторожно трогает мои мысли кончиками пальцев, проверяя, насколько сильно я могу сломаться.

Каждая клеточка тела улавливала что-то чуждое. Всем естеством я ощущала присутствие другого.

Напротив фонаря мгла вдруг сгустилась, вытягиваясь в силуэт.

Длинные волосы, подол платья...

Кристина? Мама?

Я зажмурилась, но фигура распалась, обращаясь в пульсирующую бесформенную кляксу. Перед глазами заплясали световые пятна.

На меня смотрели.

Я явственно ощущала этот давящий взгляд и ненавидела собственное бессилие перед ним. Незнакомое внимание выворачивало наизнанку, пересобирая моё тело в темноте против воли. Было чувство, будто стоишь у доски перед полным классом, когда на тебе нет ничего, кроме белья. Дрожащие колени, взмокшие ладони, зрачки, барахтающиеся в солонатовой лужице глазниц, — неужели всё это и есть я? Тело, в

котором я заперта.

Страх накатил изнутри. Он сочился отовсюду.

Боюсь. До тошноты. Боюсь обеих — смерти и той, что спит внутри меня.

Запах железа ударил в нос, резкий и неуместный среди сырости. Я невольно коснулась блузки, и пальцы прилипли к ткани.

Кровь.

Чужая. Моя.

Переулок у храма мелькнул перед глазами: тёмная фигура в плаще, хватка на плече, нож в моей руке, и затем — мёртвая тишина.

Я резко стёрла пальцы о юбку, будто могла избавить память от этого кадра. На безымянном пальце тускло блеснуло кольцо.

На запястье неоновым светом коротко мигнул экран электронных часов. Беззвучно. Два тридцать пять ночей. Этот глухой котик, подарок из родительского дома, упрямо пытался напомнить о мире живых, который я уже покинула.

Пятьсот шагов. Я дошла.

Пальцы крепко сжали кружевной подол юбки. Какой вздор — можно подумать, от этого прибавится храбрости. Всё больше злясь на саму себя, я раздражённо отбросила в сторону прядь волос, набрала полную грудь воздуха и решительно двинулась вперёд.

Зубы выстукивали безумную барабанную дробь. Внут-

ренный голос требовал идти, но ноги становились ватными. Опять. Врождённая трусливая слабость, за которую отец презирал меня больше всего. Во мне поднялась такая глухая, удушающая ярость на саму себя, что захотелось заорать в голос.

Тьма впереди колыхнулась, и я на секунду замерла.

Обычный перевёрнутый мусорный бак и куча рваных пакетов.

Мои призраки оказались обычным хламом.

Впрочем, вся моя жизнь сейчас выглядела точно так же. Если я перетрусилась из-за какой-то тени, хватит ли мне смелости посмотреть в лицо смерти?

Короткое, тихое спокойствие наконец опустилось на душу.

Я смогу.

И в этот миг из темноты раздался звучный голос:
— Доброй ночи, юная леди.

От неожиданности я глухо вскрикнула и отшатнулась. Дыхание перехватило, сердце оборвалось, оставив в груди ледяную пустоту. Опять приступ тахикардии. Судорожно прижав ладонь к рёбрам, я пыталась унять бешеное биение и стёрла холодный пот со лба. Мир вокруг казался размытой муťou. Я оттянула пальцами края глаз, возвращая контурам зловещую ясность.

Из ночного тумана Исикари навстречу мне выплыла фигура молодого человека. Но поразило меня другое — его аура.

Холодное, чистое пламя пробивалось наружу, смешиваясь с лунным светом. В ней не было той уродливой, злобной Тьмы, которая только что мерещилась мне повсюду. Этот человек казался абсолютно безвредным, но его появление здесь, у моста, пугало меня сильнее любого призрака.

Губы незнакомца исказились в натянутой, как тетива, улыбке. В нём не ощущалось враждебности, а большие синие круги под глазами просили скорее о снисхождении. Похоже, не у меня одной сегодня выдалась тяжёлая ночь.

— Выглядишь несчастной... Дай угадаю. Поругалась с родителями и убежала из дома?

Внутри всё заклокотало от глухого раздражения. Бытовые шаблоны. Как он смеет ставить меня на одну доску с легкомысленными девчонками, которые бегут от домашних ссор, не зная цены настоящему кошмару?

Я яростно сжала кулаки.

— Люди вашего круга часто судят о чужих несчастьях по себе. Это помогает им не замечать отсутствия собственных перспектив.

Он удивлённо приподнял брови.

— Вот как? Без перспектив?

— Изношенное пальто, усталый взгляд и манера навязываться незнакомцам ночью у реки, — я говорила ровно, хотя пальцы под манжетами школьной формы крупно дрожали. — Портрет посредственности безупречен.

Незнакомец несколько секунд разглядывал меня, затем

тяжело вздохнул.

— Гонор у тебя отменный. Но для девчонки с таким лицом ты ведёшь себя слишком ожесточённо.

— Если бы вы действительно беспокоились о моём поведении, вы бы вызвали патруль, а не караулили меня в тумане.

Я сделала шаг назад, удерживая дистанцию.

Он горько усмехнулся.

— Не преувеличивай. Я только-только окончил университет. И поверь, у меня есть дела поважнее, чем портить жизнь случайным прохожим.

Он вытащил сигарету, щёлкнул зажигалкой и затянулся. Горький, дешёвый запах смешался с сыростью Исикари.

Из-под его пальто тихонько брякнула цепочка. В лунном свете блеснул серебряный овал старых карманных часов. Он раскрыл крышку, гравированную сложной вязью старинных знаков.

— Механика, — негромко произнёс он. — В воде не встанут.

Я мельком взглянула на собственные электронные часы.

— Раритет не заменяет точности. Сейчас тридцать пять минут третьего.

— Без двадцати три, — сухо поправил он.

Щёлк!

Мир дрогнул, оставив во рту привкус меди и старой желчи.

— Ночь, когда любят луну... — прошептала я, чув-

ствуя, как по шее струится холодный пот.

Голову пронзила острая, ослепляющая боль.

Прошлый кошмар оживал, выстреливая рваными, окровавленными слайдами. Я физически почувствовала, как пальцы в кармане юбки сжимают ледяную сталь.

Нож был там.

Тот самый.

Куда подевался парень?

Мир вокруг застыл в гробовой тишине. Почувствовав, как со стороны левого плеча наползает неестественный, трупный холод, я замерла.

А затем медленно, боясь дышать, повернула голову.

Рядом стояла девочка.

Она механически накручивала на палец локон пепельных волос и беззвучно шевелила губами. Лицо её казалось неживой маской — известковая бледность кожи стирала всякие краски. Вдруг она остановилась, и наши взгляды встретились.

Её глаза были абсолютно чёрными.

— Так вот что ты удумала? — голос прозвучал прямо у меня в голове — сочный, ядовитый, лишённый всякой человеческой жалости. — Самоубийство? Как банально. Подумать только, это всё, на что хватило твоей гордости. Ты мнишь себя хозяйкой своей жизни, но ты лишь мой сосуд. Я не позволю тебе его уничтожить. Ничего не выйдет.

Я моргнула.

Девочка исчезла.

— Что-то не так?

Мир вокруг резко вернул свои краски и звуки. Брови молодого человека передо мной были тревожно изломаны. Он смотрел на меня с неподдельным беспокойством.

Облегчённо выдохнув, я провела тыльной стороной ладони по лбу, стирая липкий пот.

— Всё, тайм-аут, — он сделал шаг ко мне. — Ты идёшь со мной. Возражения не принимаются. Меня зовут Шоджи Симидзу. Сегодня мой первый день на службе у Инквизиции, и я не хочу начинать его с твоего трупa.

Инквизитор.

Фигура Закона, пришедшая покарать меня.

Его чистая, безвредная аура была лишь маской ведомственного палача.

— Спасибо за беспокойство, Симидзу-сан, но я вынуждена идти.

Я заставила себя безупречно поклониться.

Светлые волосы упали вперёд, скрывая моё лицо. Как я и рассчитывала, сословная вежливость заставила его замешкаться.

Я резко выпрямилась и подалась вперёд, пытаюсь проскочить мимо его плеча в сторону моста.

— Стоять.

Тяжёлая, жёсткая ладонь опустилась на моё плечо.

Пальцы сжались подобно стальным тискам.

Шансов вырваться не было.

— Я отпущу тебя, если ответишь честно. Чья это кровь на твоей блузке?

Воздух застрял в груди.

Я опустила взгляд на бурые пятна на белой ткани.

— Она ведь не твоя, верно?

Симидзу смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах больше не было снисхождения.

— Я убила его, — выдохнула я.

В ушах противно, оглушительно зазвенело.

— Нет... Это она его убила...

Все эмоции, раздиравшие меня изнутри, внезапно исчезли. Нахлынул странный, пугающий покой — Тьма внутри меня выжгла остатки паники, подменив её ледяным равнодушием.

И в этой пустоте прямо у меня в ухе раздался чужой, тихий шёпот:

— Сейчас...

— Смотри-ка, кажется, у нас гости...

Симидзу резко обернулся в сторону аллеи.

— Не по твою ли душу?

Сквозь туман к нам быстро приближались нечёткие тёмные силуэты. В лицо ударил ослепительно яркий луч мощного фонаря.

— Эй, отойди от неё!

— Руки за голову, живо!

Двое полицейских выхватили оружие.

Симидзу выругался сквозь зубы. Он шагнул вперёд, закрывая меня своим телом, и его рука потянулась во внутренний карман — туда, где лежали серебряные часы Инквизиции.

Всё его внимание было приковано к стволу пистолета.

В этот миг Тьма внутри меня не просто зашевелилась — она вырвалась наружу без моего разрешения.

Пространство между нами и патрульными деформировалось. В туманной взвеси соткались очертания чего-то огромного, многорукого и слепого.

Симидзу оцепенел.

Этого мгновения хватило.

Капкан ослаб.

Я рванулась назад, выворачивая плечо из его пальцев, и скользнула в сторону, где у прогулочной дорожки густели старые клёны. Мрачный, неосвещённый парк принял меня, мгновенно скрывая от лучей фонарей.

— Ах ты... — донеслось где-то далеко позади, но я уже не слышала.

Позади кричали полицейские, раздавался какой-то гул, но я бежала.

Я бежала сквозь лесополосу, пока лёгкие не начали выжигать огнём.

Остановилась у самого выхода из парка, тяжело навалившись на спинку лавочки. Вся в поту, я судорожно глотала

холодный воздух.

В школе на физкультуре я всегда сидела на трибунах со своей странной подругой Луной, которая раскладывала передо мной карты Таро и шептала глупые предсказания. Луна со своими картами казалась единственным человеком, пытавшимся упорядочить хаос в моей голове, разложить мои страхи по мастям и ячейкам.

Кто же знал, что единственный в жизни спринт спасёт меня от допроса.

Чтобы я могла дойти до конца.

Опустив взгляд, я обнаружила, что одна моя нога уже босая. Школьная туфля соскочила, когда я споткнулась в темноте о корни деревьев. Капроновые колготки были изорваны кустарником в клочья, белая ткань смешалась с грязью и кровью, а в кожу больно впились мелкие колючки.

Вздохнув, я стянула вторую туфельку и отбросила её в сторону.

Ледяной асфальт обжёг ступни, возвращая странную, трезвую ясность.

Босая, сквозь холодный туман, я зашагала к мосту.

Навстречу своему скорому концу.

Лети-лети, змей...

Вспомнилась отчего-то детская песенка, которую мы пели во времена садика.

Перед кончиной дева-небожительница проходит через пять увяданий.

Оперевшись на перила, я стояла на самом краю моста. Сквозь мутную пелену близорукости и тумана мне грезилось, будто над Исикари пробуждается ото сна солнце, а тени расщепляются в голубой лазури наступающего утра. Мой личный, последний рассвет.

Мои ступни уже выступали за линию, где обрывался холодный металлический настил, а кончики пальцев касались воздушной невесомости. Подо мной равномерно шелестела река. Волосы легко развевались, подхваченные ветром, и я молча наслаждалась обманчивыми оттенками этого зарождающегося дня.

— Сперва становятся грязными их лёгкие, воздушные одежды...

Моя школьная форма и правда превратилась в лохмотья. Но мне было плевать. Босая, заляпанная грязью, я стояла за перилами моста над Исикари. Обрывки капрона намертво слиплись с коркой запёкшейся крови на саднящих ранах.

— Увядают цветы в их венке...

Подо мной, в туманной воде, грезился целый океан опавших листьев вишни.

— Тело испускает зловоние...

— Неужели всё так плохо? — спросила я пустоту, совершенно спокойно и даже улыбнулась воображаемому солнцу.

— Из подмышек начинает струиться пот...

— Да уж, напотелась я сегодня, — горько усмехнулась я.

— От твоих волос веет запахом невзгод... — раздался тихий, чужой голос прямо за левым плечом.

— Хороший шанс ополоснуть голову, — ответила я, нервно хихикнув и даже не пытаясь понять, реален ли собеседник.

Теребя подол изорванной юбки, я продолжила:

— Говорят, когда видишь солнце и цветы, то более всего думаешь о друзьях. Сказать по правде, сейчас я не думаю ни о чём, кроме смерти.

Нежный женский голос в моей голове неожиданно ответил стихами:

— Вешних вишен цветы! На ветер с реки Камагава
Не таите обид — Ибо вашему увяданию
Уже ничто помешать не в силах...

Я заворожённо глядела в небеса под собой, отражённые в зеркальной глади Исикари. В этой бездне я видела свой выход. Наконец-то я нашла его.

Шаг.

Ещё один...

Я отпустила перила и полетела вниз, в объятия серого, тяжёлого тумана.

То глухое, тёмное влечение, что я прятала на самом дне разума весь этот бесконечный год, наконец получило волю.

Кольцо на пальце вспыхнуло ослепительным, багрово-чёрным пламенем. Из глубин артефакта, пробивая пяти-

вековую Тьму небытия, с яростным криком вырвалась чужая, древняя душа. Это было нечто дикое, первобытное, сокрушившее весь привычный мир за одну секунду.

«Не позволю нам погибнуть!» — гроыхнуло в падающем сознании.

Туман под мостом мгновенно сгустился, превращаясь в плотный, осязаемый кокон, и подхватил моё тело в метре от бурлящей воды.

Глава 2 "Манифест Кирико"

Какое-то время не было ничего — ни тьмы, ни света, только гул падения сквозь века, будто вечность на миг сомкнулась вместо воды. Потом сквозь этот вязкий морок прорвался холод, и чужое тело, которое я не чуяла пять долгих веков, забилося, рванулось вверх, к воздуху. Мост, с которого прыгнула эта дурёха, остался где-то позади и выше, тонкой чёрной чертой на фоне светлеющего неба.

В этом чужом теле всё двоилось. Дурёха, и без того близирукая в душе, похоже, не была одарена орлиным зрением, но сквозь мутную пелену я успела различить очертания знакомого, но ставшего за невесть сколько лет таким чуждым берега. Это была не родная мне цветущая долина. На месте клёнов и бамбука высились уродливые, мёртвые скалы — гигантские серые коробки с квадратными провалами чёрных окон. словно безумный мастер натащил друг на друга каменные гробницы и заставил в них жить людей. Всё вокруг дышало чуждым, холодным камнем, а вместо мягкой речной травы берег Исикари сковывала сплошная, застывшая серая грязь. Ни единого живого звука. Только странный, металлический, монотонный гул. Он словно невидимые артерии пронизывал все эти каменные склепы и жужжал, как улей.

Я зажмурилась, выискивая в чертогах своих воспоминаний великолепный, ослепительно красивый берег Исикари

— такой, каким он мне запомнился в последнюю нашу с ним встречу, — и глотка сама собой сжалась в судороге.

— Пей же sake, пей его до самого дна!.. — зазвучали в моей голове строки, возвышавшие меня над этим ничтожеством.

Кха-кха! Воздух. Я дышу! Нет, кажется, я задыхаюсь. Кха-кха!

— Уми-но ину!..

— Ведь если ты сможешь осушить эту чашу... Кха-кха! — Забрав в награду лучшее копьё во всей Поднебесной... Кха! Я что, и вправду дышу?..

Кха!

— Онорэ! — Какой жуткий свист!

— ...Тогда ты явишь миру истинный... Буэээээ!

Вслед за последним глотком кислорода, с торжеством, достойным ликующей Аматаэрасу, со свистом фермера, отгоняющего ночных птиц от урожая на Окинаве, из меня хлынула солёная вода. И пока я не откашляла целый чан этой речной гнили, не могла наконец со всей ясностью осознать: я жива, и я дышу!

Глаза вмиг распахнулись.

Белым-бело! Облака, точно размашистые белоснежные крылья аиста, рассекали небосвод, стремглав несясь одновременно во все стороны. Златые стрелы тут и там пронзали их насквозь и, не долетая до земли, рассыпались везде, куда доставал глаз. Они ярко вспыхивали — точно агатовая

вышивка на платьях в свете факелов, что горели в спальне у наложниц моего отца.

Слёзы наводнили мои очи. Я сглотнула подступивший к горлу комок, всё ещё не веря тому, что со мной происходило. Каждая клеточка тела дрожала, как подбитая дворняга. Я согнула и сжала одну ладонь, потом вторую. Слипшиеся губы вжались одна в другую с такой силой, точно мать с дочерью, прощающиеся перед длительной разлукой.

Больше не могу сдерживаться...

— Я жива-а-а-а-а! — разразилась я самым жизнеутверждающим криком, какой только могла услышать земля под этой луной. — Я жива-а-а-а-а-а!

Волосы сразу же подхватил ветер. Кажется, я разбудила его своим истошным воплем! Пусть бодрствует вместе со мной! Негоже ему виться ленивым ветерком в закромах да в бабкиных погребах. Пусть празднует со мной! Пусть несёт благую весть по городам и сёлам! Буди глашатаев! Кирико не страшны более оковы! Она вольна как никогда, и пусть млеет враг, что строил козни против неё!

Волосы вздымались над плечами — такие красивые! Цвета ржи, что возрастает на варварских полях! Да и плевать! Сыта по горло этим пресным рисом! Я сжала их длинные пряди, точно готовилась бить в набатный колокол, знаменуя этим кличем самое доброе утро за всю ту бесконечность, где я была лишена привычного течения времени.

Как ягнёнок, только лишь коснувшись языком водной гла-

ди, напрягается, выпрямляет шею и испуганно озирается, высматривая притаившегося под сенью деревьев хищника, так и я подозрительно вела носом. Осторожно вдыхала этот столь желанный, но незнакомый, насыщенный миллионами неизвестных мне оттенков воздух.

В целом — терпимо, да вот только... Апчхи!

Я шмыгнула правой, не забитой тиной ноздрёй и замерла. Из моей груди вырвалось короткое, по-весеннему нежное: «Ах!»

Несмотря на всё уродство непонятных мне построек, этот чудаковатый, новый для меня мир удивлял.

— Я восхищаюсь делами рук твоих! — тихонько прошептала я, одновременно пытаюсь защитить лицо ладонью от бьющих в глаза лучей. — Солнце!

Я в который раз обвела взглядом голубой небосвод. Так сверкает, но ещё не жжёт — значит, совсем рано!

Улыбаясь, я стряхнула повисшую с брови зелёную, воняющую рыбой водоросль и расхохоталась. Сквозь растопыренные пальцы я рассматривала серые глыбы домов и непонятные, тут и там наставленные прямо среди переулков мачты, соединённые между собой верёвками. Как будто здесь жили великаны и очень любили всюду вывешивать одежду.

Я так счастлива.

Если убрать из внимания фоновый, неприятный металлический гул, сколько же всего ещё можно было услышать! Мир кругом наполнился невероятными звуками. Только щебе-

тание птиц и лёгкий шелест ветерка узнавались среди многих, а новые — жужжали, словно пчёлы. Перед самым лицом кружилась какая-то мошкара.

Я почти что с нежностью царапнула песчаную поверхность, на которой распласталась, так и не решившись пока встать на ноги. Я была словно ребёнок, которому заново предстоит учиться ходить.

Мягкий, мокрый песок. И только сейчас я ощутила облепивший меня со всех сторон шёлк формы. Упоенный влагой, он утратил свою лёгкость. Я казалась себе младенцем, покрытым склизкой плевой. Фу, от этого наряда откровенно отдавало селёдочным душком. Надобно сбросить эту чешую, подумала я, но линять не спешила. Отчего? Да просто оттого, что даже это мерзкое ощущение приносило мне удовольствие. Во всех проявлениях, в каждой мелочи я находила себя живой.

Опершись на ладони, я малость привстала и покрутила головой. Тихонько хрустнула шеей и на полном серьёзе испугалась — страшно было повредить своё новое «жилище». Слегка подавшись грудью вперёд, я потянулась и сладко зевнула. Так широко открыла рот, что туда не преминуло сразу же залететь с десятков пар наглой мошкары. Я с чувством расплевалась, прогнав изо рта незваных гостей. В голове продолжал гудеть рой саранчи. Всё было так интересно, но ничего не понятно. Гул становился всё громче.

По синеватой поверхности речки болтались тут и там,

неспешно проплывая мимо, какие-то маленькие, помятые разноцветные бочонки со знакомыми, но объединёнными в непонятные мне слова иероглифами.

Хммм. Я наклонилась к самой воде, вглядываясь в плывущий мусор. Сейчас... Кажется: со-са-со-la... СОСА-COLA. Что бы это могло значить? Клеймо мастера, что их изготовил? Несуразица какая-то.

Оу! Наблюдая за удаляющимися бочонками, только сейчас я обратила внимание на своё отражение. Оно терпеливо дожидалось меня внизу, то покрываясь рябью от снующих по водной глади водомеров, то снова приобретая устойчивый вид. Живое тело в речном зеркале наполнилось дрожью — так сильно я разволновалась.

Первое, что бросилось в глаза, — проглядывавшая сквозь взъерошенные светлые волосы белая полоска прямого пробора. Густые бровки, вылитые ласточкины крылья, боязливо ходили вверх-вниз то ли от удивления, то ли от недовольства. Розовые мочки ушей озорно выглядывали из-под белокурых прядей. Вволнованно, едва заметно подрагивали малиновые губы. Беспорядочно хлопали веера на диво длинных ресниц.

Подивившись глуповатому выражению лица в отражении, я очарованно выдохнула, не устывая изумляться волшебной грёзе:

— М-да! Соскочила судьба с чужого плеча на моё. А она, кстати, ничего так...

Я поочерёдно рассмотрела то правую, то левую часть лица, придерживая кончиками пальцев приподнятый подол изорванной юбки.

— Нос немного курносый, но ей вроде бы даже идёт... Ой, ну то есть мне! Ха!

Я вскрикнула и попробовала на вкус тембр своего нового голоса:

— Не певчая птица, конечно...

Смахнув за ушко прядь волос, я обернулась назад и устремила взгляд вдаль, сквозь бесконечную, мутную череду каменных домов с углублениями-глазницами. Там, в тумане, начали появляться одинокие силуэты людей. Похоже, чужой город понемногу начинал оживать. Несчётные крыши скалочных домов тянулись, куда ни посмотри.

Качнувшись, я наконец выпрямила спину. Махнув израненной ногой, я начала свой первый марш по песчаному берегу реки.

Раз-два! Раз-два! Ха-ха-ха!

Я сделала несколько неуверенных шагов, выбираясь с берега на широкую каменную дорогу. Не успела толком понять, куда ступила, как откуда-то сбоку раздался оглушительный рёв.

Из-за поворота на меня неслась железная повозка без единой лошади!

Я шарахнулась, поскользнулась на мокром камне и рухнула наземь. Чудовищная машина с визгом остановилась так

близко, что я почувствовала на лице горячее дыхание её железного бока.

Не успела я подняться, как вокруг уже сомкнулось кольцо незнакомцев.

— Здесь не на что смотреть, расходитесь! — безучастно бросал в толпу стражник. Его лицо, вопреки обычаям воинов, было гладко выбрито и лоснилось, точно у столичного актёра.

Чужаки в невероятном, бесстыдном тряпье на ходу тянули мутную жижу из жестяных гильз. Стоило чёрному вареву подойти к концу, как жестянку пронизывал премерзкий хлопьяющий звук. Так же стремительно таяло терпение стражников из управы: брызгая слюной, они тщетно пытались осадить напирających зевак. Какой-то безумец с бессмысленным лицом продолжал елозить губами по пустой трубке, тщетно пытаясь высосать остатки.

Плебеи не знали стыда, бесцеремонно уставившись на меня — взошедшее солнце дома Токугава. Стражники в тёмно-синем едва удерживали кольцо. Перед глазами мелькали чужие силуэты, пачкая меня своими уродливыми тенями. Коренастый, на диво крикливый стражник исходил истошным ором, размахивая руками. Толпа огрызалась, но медленно пятилась, перекрывая единственный просвет между колёсными крепостями. Мой единственный путь к спасению от этого морока затягивался на глазах.

Двери повозок были распахнуты настежь; сине-алые огни

на их крышах пульсировали в беззвучном, пугающем ритме. Напарник безучастного стражника уже давно пытался завязать со мной разговор. Ничтожество. Вместо того чтобы проявить учтивость и поднести госпоже обувь, он просто глазел. Каков стыд — стоять перед ними босиком на холодном камне, чувствуя, как чужая, грубая ткань липнет к промокшему телу. Я до сих пор не понимала, как оказалась в этих шутовских одеждах, но гордость запрещала выдавать страх. Пока бестолковая стража отвлекала толпу, у меня оставался единственный шанс.

Наконец, желая выслужиться перед публикой, самый чинный из офицеров втянул грудь и бесцеремонно опустил ладонь мне на плечо. Всем своим видом он демонстрировал глубочайшую вовлечённость, будто призывал чернь в свидетели своего безупречного труда. Трюкач на ярмарочной площади; цепной пёс, обученный служить и ластиться к толпе ради брошенного медяка.

— С тобой всё в порядке? Тебе нужен врач? Мы уже вызвали скорую... — приторно засюсюкал он, а затем обернулся к напарнику: — Кажется, на ней форма старшей школы «Асахикава Кита». Форма промокла насквозь, нужно поскорее переодеть её.

«Асахикава Кита».

Эти слова царапнули сознание.

Школа. Форма. У этой девчонки была жизнь, имя. Значит, где-то должна была остаться её история.

Но прежде чем я успела ухватиться за эту мысль, внутри меня что-то шевельнулось.

«Не говори им ничего».

Девочка. Хозяйка этого тела.

Она просыпалась.

— С тобой всё в порядке?

Шум толпы нарастал. Она бурлила, точно закипающая вода в котле.

— Эй, отвали от ребёнка! — выкрикнул один в неуклюжей бамбуковой шляпе.

— Её чуть машина не сбила, чего вы докопались!

— Грёбанные бюрократы! — прогорланила возмущённая старушка из толпы деревенских.

По выражению лица — не совсем понимавшая, что происходило, но считавшая необходимым поддержать остальных.

— Правила движения придуманы для всех! — гаркнул мужичок неопределённого возраста, выпучив свои маленькие зенки.

Ополченец вымученно вздохнул и в который раз окинул меня взглядом, наверняка убеждаясь, что я в порядке и никакой сиюминутной помощи мне не требуется.

Фыркнул и, подумать только, подтолкнул меня со спины, кивком указывая в сторону светящейся сине-алым пламенем повозки, в которую кто-то, кажется, забыл запрячь лошадей!

Я неохотно двинулась, но краем глаза заметила знакомую физиономию.

Не могу понять, где я уже видела этого холопа...

Неподалёку от крупной повозки, настолько белой, что казалось, будто на неё кто-то ненароком вылил целый чан молока и малинового варенья, а посредине кузова начертил идеально ровный крест — ох уж эти фанатики! — стоял, облокотившись на полуоткрытую дверцу, молодой человек.

Он напоминал мне тех вечно угрюмых воинов, что сторожились на банкетах общего стола и без всякой зависти поглядывали, как веселятся их господа, ластящиеся к отцу в ожидании наживы или новых почестей.

— Ах! Кажется, это прихвостень этих чертовых инквизиторов! Не он ли приударил сегодня ночью за нами в парке? А пташка? Всё молчишь! А я тут за нас расхлёбываю! А ты ведь даже не удосужилась объяснить мне, как тут у вас всё работает!

Я зло посмотрела на своё отражение в зеркальце, зачем-то закреплённое на повозке, к которой мы шаг за шагом медленно приближались, пробираясь с бестолковым ополченцем сквозь этот любопытствующий сброд.

Опять курит свою цибарку! Ну точно он! И взгляд такой же хитрый, а какой проникновенный — бр-р-р! У меня мурашки по коже пошли, стоило лишь на секунду пересечься с ним взглядом.

Он что, идёт к нам?

Так, стой! Нет-нет! Придержи коней, самурай!

Я быстро задышала, чувствуя, что теряю своё превосход-

ство знатной особы. Хотя откуда этому отребью знать, кто я такая? Навряд ли они вообще знают об этикете хоть что-нибудь! Глупцы!

Расступитесь!

— Приветствую, офицеры! Меня зовут Шоджи Симидзу. Теперь эта малявка под нашей юрисдикцией, — на одном духе выдал он и продолжил держать перед лицом обомлевшего ополченца обрывок свитка в твёрдом, некрасивом чехле очень грубой работы.

Видимо, мастера здесь совсем лишены изящества.

Я с достоинством вскинула подбородок, даже не шелохнувшись, в то время как мои миньоны знатно поёжились, увидев выведенные мелкой вязью каракули на свитке, который он наконец засунул обратно за пазуху. Затем Симидзу с гнусной улыбочкой с ног до головы пожрал меня своими отвратительными глазами — так торгаш с площади выбирает рулон шёлка, да потоныше.

Окурок упал на дорогу.

На его бледном лице читался триумф.

Сегодня, птишка, несмотря на свою несговорчивость, кое-чему всё же смогла меня научить.

Я медленно подтянула колено к груди, встав на одну ногу.

Все — и деревенские, и ополченцы, и даже начавший меняться в лице Симидзу — с изумлением уставились на меня.

На миг в воздухе застыла неловкая пауза.

Точно наложница, совершив неудачное движение, сбила

дорогущую фарфоровую вазу и, скатившись на пол, застыла в ужасе, ожидая, когда заговорит хозяин дома.

— Кья-а-а!!

Я вскинула ногу и второй раз за день вдарила Шоджи точно в пах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.